

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны тексты на английском языке, написанные мною за последние 10 лет (1994—2004). Многие из них публиковались ранее в специализированных журналах, и я собрал их в одном месте для того, чтобы упростить жизнь моим коллегам, в частности для того, чтобы на них было удобно ссылаться. Неудивительно, что все темы этого сборника так или иначе связаны с большим исследовательским проектом, к осуществлению которого я приступил 25 лет назад. Его целью является создание учебного курса, основанного на анализе характерных для рынка динамических процессов общественного сотрудничества. Особое внимание при этом должно быть уделено месту в этих процессах предпринимательства, а также тех институтов, благодаря которым жизнь в обществе становится возможной. Такой явно выраженный междисциплинарный подход характерен для австрийской экономической школы. В последние годы австрийский подход завоевывает все больший авторитет во всем мире и, в частности, переживает расцвет, к которому я имел честь приложить руку, в Испании.

Сборник отчетливо делится на четыре части. Первые три главы посвящены исследованию теоретического фундамента динамической концепции рынка. В этой части особое внимание уделено анализу теории динамической эффективности, принципиальной разнице между экономической теорией австрийской школы и неоклассической теорией, а также трехуровневому (теоретическому, историческому и этическому) подходу к изучению общественных явлений.

Вторая часть книги состоит из 9 глав, посвященных экономическому анализу различных проблем с точки зрения австрийской школы. Среди них — кризис системы социального страхования и попыток ее реформирования, апология защиты окружающей среды с рыночных позиций, социализм, национализм и миграция. Две главы посвящены банковским и экономическим циклам; эта тема особенно увлекла меня в последние годы. Наконец, в этой части говорится об этических аспектах капитализма, о политической роли экономиста-либертарианца и о будущем демократии.

Третья часть книги состоит из статей по экономической истории. В них говорится о предшественниках австрийской школы, испанских схоластах XVI в. В нее входит также статья, написанная к пятидесятилетию со дня первого издания экономического трактата Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность».

В приложении к сборнику публикуется интервью, которое я дал *Austrian Economics Newsletter*. Там есть некоторые нюансы, которые тем не менее естественно вытекают из всего сказанного мною ранее. Это интервью может дать читателям пищу для размышлений о том, каким образом высказанные в этой книге идеи можно использовать для анализа наиболее острых экономических и политических проблем нашего общества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарю *Quarterly Journal of Austrian Economics*, *Review of Austrian Economics* и *Journal des économistes et des études humaines* за разрешение опубликовать в данном сборнике тексты, впервые увидевшие свет в этих журналах.

Я хотел бы также выразить признательность моим ученикам, аспирантам и ученым коллегам по Школе права и социальных наук мадридского университета Короля Хуана Карлоса за энтузиазм, с которым они участвовали и в моих многочисленных исследовательских проектах, и в их обсуждении. Я хотел бы отдельно поблагодарить Луиса Реиго Альбиоля (Luis Reig Albiol), Ингольфа Крумма (Ingolf Krumm), Габриэля Кальсаду (Gabriel Calzada), Хуана Игнасио дель Кастильо (Juan Ignacio del Castillo), Хесуса Гомеса (Jesús Gómez), Франсиско Капелью (Francisco Capella), Оскара Вару Креспо (Óscar Vara Crespo), Хавьера Арансади дель Серро (Javier Aranzadi del Cerro), Анхеля Руиса Родригеса (Ángel Ruiz Rodríguez), Хуана Пабло Мелиана (Juan Pablo Melián), Сесара Мартинеса Месегера (César Martínez Meseguer) и Мигеля Анхеля Алонсо Нейры (Miguel Ángel Alonso Neira). Если бы не они, книга, которую вы держите в руках, была бы гораздо хуже.

ГЛАВА 1

ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

У господствующих в экономической науке вплоть до настоящего времени традиционных критериев эффективности распределения (эффективность по Парето) есть существенный недостаток: они носят статический характер и, следовательно, их невозможно использовать в качестве нормативных ориентиров на практике, поскольку реальные общественные институты динамичны¹. Пришла пора заменить традиционные стандарты эффективности иным критерием, который не обладает этими недостатками традиционного подхода по Парето и может применяться в сфере общественных институтов. Мы будем называть этот стандарт «критерием динамической эффективности».

Эта статья состоит из трех частей. В первой мы проанализируем процесс, который привел к формированию представления об эффективности по Парето. Этот стандарт был скроен по образцу принципа эффективности энергии, который возник в физике и механике XIX в. Это объясняет, почему традиционный критерий эффективности по Парето, ставший стержнем всех экономических теории благосостояния и очень часто использующийся для экономического анализа права, в силу своей относительной статичности с трудом может применяться для изучения сложной динамики институтов.

Во второй части мы сформулируем критерий *динамической эффективности*, который прямо вытекает из теории рыночных процессов, движимых творческим и координирующим потенциалом предпринимательства. Хотя стандарт динамической эффективности пока не стал частью научного мейнстрима, за ним стоит определенная традиция. Такие выдающиеся экономисты, как Мизес, Хайек и Шумпетер, а также современные теоретики Ротбард, Кирцнер и Норт (последний выдвинул идею «адаптивной эффективности») и даже Лейбенштейн (с его «*x*-эффективностью»), предлагали и формулировали критерии, более или менее похожие на нашу динамическую эффективность. В этой части мы проанализируем и сравним их идеи.

Третья и последняя часть статьи посвящена анализу очень тесных взаимосвязей, существующих между предложенным нами критерием динамической эффективности и системой этических принципов общества. Это открывает перед экономистами новое поле деятельности: они получают возможность использовать стандарт динамической эффективности, отличающийся от традиционного критерия Парето, для оценки общественных институтов (правовых, моральных и экономических). Кроме того, в ходе нашего анализа мы сформулируем те этические принципы, которые дела-

ют динамическую эффективность возможной, а следовательно, создают условия для прогресса и скоординированного развития общества и цивилизации. Тем самым мы намерены установить прямую взаимосвязь между экономической теорией и этикой и, таким образом, стимулировать развитие плодотворных взаимоотношений между этими двумя научными дисциплинами.

ЭВОЛЮЦИЯ СТАНДАРТА
СТАТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исторический контекст

Термин «эффективность» (*efficiency*) происходит от латинского слова *efficiens*, а последнее, в свою очередь, от латинского глагола *ex facio*, который означает «получать что-то из чего-то»². В экономической науке представление об эффективности как о способности «получать что-то из чего-то» старше латинского глагола и восходит к временам Древней Греции, когда слово «экономика» (οικονομία) использовалось для обозначения эффективного управления домохозяйством или усадьбой. В трактате «Экономика» (традиционное русское название «Домострой», 380 до Р.Х.) Ксенофонт приписывает Сократу утверждения, что «экономика» — это «отрасль знания, с помощью которой человек может умножить свое хозяйство», хозяйство человека — «то же, что его имущество», а имущество — «это вещи, полезные человеку»³. Сформулировав это — современное и субъективистское — определение экономики, Ксенофонт в дальнейших диалогах объясняет, что есть два пути умножить хозяйство, и они соответствуют двум разным аспектам эффективности.

Один — это аспект «статической эффективности». Он состоит в разумном управлении наличными (или «данными») ресурсами и заботе о том, чтобы они не тратились напрасно. Согласно Ксенофону, главный способ обеспечить это — содержать дом в хорошем *порядке*⁴ и заботиться о своих вещах, относясь к ним бережно и аккуратно. Чтобы завершить разговор о способностях, необходимых для эффективного управления «данными» ресурсами, он рассказывает притчу о мудром ответе персиянина своему царю: «Царь этот однажды получил хорошую лошадь, и ему хотелось поскорее ее откормить. Он спросил кого-то считавшегося знатоком по части лошадей, что всего скорее утучняет лошадь. Тот ответил: „Хозяйский глаз“. Так и во всем, Сократ, хозяйский глаз — самый лучший работник»⁵.

Однако Ксенофонт не ограничивается анализом «статического», как мы его называем, аспекта эффективности. Он говорит и о дополняющем его «динамическом» аспекте, который представляет собой попытки человека умножить свое достояние с помощью предпринимательской деятельности и заключения сделок. Речь идет о попытках человека не ограничиваться заботой о бережном расходовании уже имеющихся в его распоряжении

ресурсов, а умножать принадлежащие ему блага с помощью предпринимательского творчества, т.е. с помощью торговли и спекуляций. Ксенофонт приводит два конкретных примера направленной на это предпринимательской деятельности. Один пример — это покупка плохо обработанных или бесплодных участков земли и облагораживание их с последующей продажей по гораздо более высокой цене, чем цена покупки⁶. Другой пример динамической эффективности, позволяющей человеку умножить свое достояние и получить в свое распоряжение новые ресурсы, — это действия купцов, которые покупают хлеб, когда он в изобилии и, следовательно, дешев, а потом привозят его в места, пострадавшие от засухи или неурожая, и продают там по гораздо более высокой цене⁷.

Эта традиция различения двух аспектов эффективности, статического и динамического, сохранялась и в Средние века. Например, св. Бернардино Сиенский считал, что купцы и ремесленники заслужили свои доходы своим *трудолюбием* и *готовностью рисковать*: разумным и ответственным управлением своими (данными) ресурсами, т.е. поведением, последовательно направленным на предотвращение неразумной траты ресурсов (статический аспект эффективности), а также согласием на риски и опасности (*pericula*), возникающие в связи с любыми предпринимательскими спекуляциями (динамический аспект эффективности)⁸.

Влияние механической физики

Несмотря на это многообещающее начало, в Новое время понятие экономической эффективности постепенно сузилось и упростилось. Наконец, оно стало обозначать исключительно статический аспект эффективности, иными словами, добросовестное поведение, направленное на предотвращение неразумного расходования «данных» ресурсов. Решающее значение для формирования этого редукционистского представления, которое было существенным шагом назад по сравнению с формулировкой Ксенофонта, различавшего два аспекта эффективности, сыграло появление и развитие механической физики, оказавшей на экономическую мысль колоссальное влияние, особенно в XIX в. и в последующее время.

В Новое время физика сменила астрономию на пьедестале «главной науки». В основе физики лежит представление об «энергии». Об этом абстрактном понятии спорят все физики, хотя они и не пришли к общему мнению о том, что представляет собой энергия в отсутствие эмпирических свидетельств ее воздействия в виде силы или движения⁹. В силу этого ключевую роль в развитии физики сыграл «закон сохранения энергии», о принципиально статической природе которого не следует забывать (энергия не создается и не исчезает, она лишь трансформируется). Позже был сформулирован второй закон термодинамики, в котором говорится, что в ходе любого физического процесса какая-то энергия расходуется впустую, например в форме тепла, которое рассеивается, в силу чего физические системы не являются обратимыми. Эти два закона определили

развитие физики в XIX в. Именно поэтому большая часть представителей точных наук воспринимает физические феномены почти исключительно с точки зрения «энергии». Кроме того, использование физических открытий на практике было связано в основном с инженерным делом, которое целиком и полностью основано на (статическом) понятии энергоэффективности (или, на языке инженеров, «минимизации энергетических потерь»). Прекрасной иллюстрацией может служить паровая машина, это классическое капитальное благо Промышленной революции. Паровая машина трансформирует тепло в движение и поднятие тяжестей; соответственно целью хорошего инженера является достижение максимума (статической) эффективности, т.е. максимального движения при минимальных расходах и потерях энергии.

Редукционистское представление о (статической) эффективности было усвоено и языком. Так, определение прилагательного «эффективный» в Словаре Вебстера («Webster's Dictionary») включает минимизацию потерь: «эффективный, обладающий способностью выбирать и использовать наиболее успешные и связанные с минимальными потерями способы выполнения задачи или достижения цели»¹⁰. В испанском языке представление об эффективности прочно связано со способностью добиваться конкретного результата или дохода. Словарь испанского языка («Diccionario de la Lengua Española») определяет слово *rendimiento* («доход») как «соотношение полученного продукта или результата с использованными средствами»¹¹ (предполагается, что и результат, и средства известны или даны).

Очень важно осознать то негативное воздействие, которое статическое представление об энергоэффективности оказало на развитие экономической теории. Ганс Майер¹² и Филип Мировски отмечали, что неоклассическая экономическая теория была подражанием механической физике XIX в.: она использовала тот же самый формальный метод (только заменила понятие энергии на понятие полезности) и те же самые принципы сохранения, максимизации результата и минимизации потерь¹³. Главным представителем этого направления, идеи которого в максимальной степени отражают воздействие физики на экономическую мысль, был Леон Вальрас. В опубликованной в 1909 г. статье «Экономическая теория и механика» Вальрас утверждал, что в «Элементах чистой экономики» он использовал математические формулы, идентичные формулам математической физики, а также подчеркивал параллель между понятиями «силы» и *редкости* (которые он считал векторами), с одной стороны, и между понятиями «энергии» и «полезности» (которые он рассматривал как скалярные величины) — с другой¹⁴.

Таким образом, под влиянием механической физики исчезло то творческое, спекулятивное измерение, которым идея экономической эффективности обладала с момента зарождения, и от нее осталось лишь редукционистское, статичное представление, связанное исключительно с идеей минимизации потерь (известных или данных) экономических ресурсов. В качестве примера можно привести определение «эффективного размещения ресурсов» из «The New Palgrave Dictionary of Economics», при-

надлежащее Стенли Рейтеру: «максимально возможное удовлетворение потребностей в условиях ресурсных и технологических ограничений»¹⁵. (Обратите внимание: это определение исходит из того, что ресурсы и технология являются данностью). Очень показательно и одновременно огорчительно то, что в статье об экономической эффективности в наиболее авторитетном из экономических словарей ни разу не упоминается динамический аспект этой идеи. Это особенно поучительно и печально в свете того, что в реальности ни ресурсы, ни технологии не являются «данностью»; они способны меняться — и действительно постоянно меняются — под воздействием предпринимательского творчества. Кроме того, изменчивая природа этих факторов ясно свидетельствует о наличии у эффективности отдельного, имеющего долгую традицию измерения (динамического — о котором, как мы видели, писал уже Ксенофонт); если это игнорировать, последствия для экономического анализа реальности окажутся весьма велики.

Редукционистское представление о статической эффективности оказало большое влияние на теорию организации начала XX в., иначе говоря, в эпоху тейлоризма. Фредерик Тейлор в «Принципах научного менеджмента» (1911) призвал к созданию во всех компаниях департамента «производительной эффективности»: во-первых, для надзора за работниками, во вторых, для измерения времени, которое требуется на операции, в-третьих, чтобы избежать потерь¹⁶. В результате редукционистская идея статической эффективности превратилась в идола, который требовал принести ему в жертву буквально всё; помешательство на статической эффективности (лучше всего здесь подходит слово «культ») распространилось даже на политическую идеологию.

Ярким примером такого помешательства могут служить фабианские социалисты Сидней и Беатриса Веббы. Супруги Веббы были настолько потрясены «потерями», которые они увидели в капиталистической системе, что создали Лондонскую школу экономики, чтобы продвигать реформу экономической системы. Цель их реформы состояла в том, чтобы избежать потерь и построить «эффективную» систему. Позже Веббы не скрывали своего восхищения той «эффективностью», которую они обнаружили в Советской России. Беатриса даже восклицала: «Я влюбилась в советский коммунизм». Чары статического представления об экономической эффективности подействовали и на самого Джона Мейнарда Кейнса. В предисловии к вышедшему по-немецки в 1936 г. издании «Общей теории» он писал, что его идеи экономической реформы «легче воплотить в условиях тоталитарного государства». Кроме того, Кейнс очень хвалил вышедшую в 1933 г. книгу супругов Вебб «Советский коммунизм»¹⁷.

*«Экономическая теория благосостояния»
и статическое представление об эффективности*

Вышеописанный тренд достиг кульминации в 1920—1930-е годы, когда статическое представление об экономической эффективности стало ядром

новой дисциплины, получившей известность под названием «экономической теории благосостояния»¹⁸. Она возникла на базе ряда альтернативных подходов. Согласно Пигу, экономическая система достигает максимальной эффективности тогда, когда предельная полезность всех факторов выравнивается, а для этого необходимо перераспределять доход до тех пор, пока все экономические агенты не станут получать от последней имеющейся в их распоряжении денежной единицы одинаковую предельную полезность. Таким образом, Пигу продолжает традицию жесткого утилитаризма Иеремии Бентама и наивных маржиналистов (Сакса, Сиджвика и др.). Поскольку было очевидно, что подход Пигу связан с межличностными сравнениями полезности и метанаучными ценностными суждениями, он скоро уступил место подходу Парето.

Согласно теории Парето, экономическая система находится в *состоянии* эффективности тогда, когда ничье положение нельзя улучшить без того, чтобы при этом не ухудшилось положение кого-то другого. Хотя этот подход по-прежнему статичен, он уже не требует межличностных сравнений полезности. Благодаря этому некоторые «теоретики благосостояния» (Лернер и др.) смогли сформулировать так называемую «первую теорему экономической теории благосостояния». Она гласит, что в системе совершенной конкуренции достигается эффективность распределения по критерию Парето. На следующем этапе были выделены так называемые «провалы рынка», которые порождают неэффективность (в статическом смысле слова), отдаляя экономическую систему от модели «совершенной конкуренции». (Сначала провалами рынка были признаны монополии и внешние эффекты (экстерналии); позже к ним добавились более вычурные вещи типа асимметричности информации, морального риска и неполноты рынков). В то же время в качестве альтернативы этому подходу был сформулирован подход Калдора—Хикса, включавший аналитический принцип «потенциальной компенсации»: ситуация II эффективнее ситуации I, если те, кто в этой ситуации выигрывает, способны компенсировать убытки тем, кто от нее проигрывает (Калдор); или же если те, кто проигрывает в ситуации II, не могут воспрепятствовать переменам, «дав взятку» тем, кто от нее выиграет (Хикс)¹⁹.

Позже теоретики сформулировали «вторую фундаментальную теорему экономической теории благосостояния». Она гласит, что эффективность по Парето совместима с различными вариантами первоначального размещения ресурсов. Эта теорема исходит из того, что критерии эффективности и честности (справедливости) могут рассматриваться изолированно и сочетаться в разных пропорциях. В свою очередь, Бергсон и Самуэльсон изобрели «функцию общественного благосостояния», которая, хоть и связана с необходимостью проводить интерперсональные сравнения полезности, позволяет обойти невозможность выделения точки максимальной эффективности из всех Парето-эффективных точек, образующих кривую производственных возможностей. Однако позже Эрроу продемонстрировал, что функцию общественного благосостояния такого типа нельзя построить, не пренебрегая элементарными требованиями логики («третья фундамен-

тальная теорема экономической теории благосостояния»). Другой нобелевский лауреат, Амартия Сен, доказал, что невозможно представить такую функцию общественного благосостояния, которая одновременно была бы оптимальной по Парето и соответствовала бы традиционным либеральным стандартам, в первую очередь потому, что индивидуальные оценки порядковой (ординальной) полезности невозможно суммировать, а следовательно, функция общественного благосостояния в принципе не может обеспечить удовлетворение всех индивидуальных предпочтений²⁰.

Критика экономической теории благосостояния и идеи статической эффективности

По понятным причинам мы не можем перечислить все аргументы, критикующие разные стандарты статической эффективности, которые были сформулированы в рамках экономической теории благосостояния. Этому посвящено огромное количество работ, и мы не в силах пересказать все. Тем не менее мы остановимся на нескольких наиболее распространенных замечаниях: главным образом для того, чтобы противопоставить их тому аргументу, который мы считаем главным, несмотря на то, что до самого последнего времени его практически никто не высказывал.

Во-первых, различные критерии статической эффективности, сформулированные в рамках экономической теории благосостояния, требуют более или менее явного использования ценностных, т.е. суждений, лишенных научной объективности. Мы уже указывали, что это присуще и подходу Пигу, и представлению о функции общественного благосостояния, поскольку для их использования на практике требуются межличностные сравнения полезности, которые в сообществе профессиональных экономистов считаются ненаучными со времен Лайонела Роббинса. Кроме того, нет уверенности, что полезность можно сравнивать даже относительно одного и того же человека (в разное время и разных обстоятельствах); ведь во многих случаях человек будет пытаться сравнить между собой разнородные и разнообразные измерения, которые вряд ли поддаются такой операции. И даже подход Парето, вопреки первому впечатлению, не является полностью нейтральным с точки зрения межличностных сравнений и оценочных суждений: например, завистливому человеку может стать хуже в результате улучшения по Парето (т.е. когда кто-то выиграет, не нанося ущерба никому — разумеется, за исключением нашего завистника).

Во-вторых, в любых подходах экономической теории благосостояния есть один серьезный недостаток: они основаны на предположении, что индивидуальные шкалы полезности и те возможности, которые открываются перед каждым действующим субъектом, «даны», иначе говоря, что они известны и неизменны. Другими словами, предполагается, что эти шкалы и возможности отражают некие «функции полезности», которые тоже всегда известны и неизменны. Этот недостаток особенно ярко выражен у Пигу; его идея перераспределения дохода не просто требует проведения

межличностных сравнений полезности, — ее практическая реализация привела бы к радикальному изменению соответствующих «функций полезности», а также серьезно повлияла бы на процесс предпринимательской координации (что, как мы увидим ниже, гораздо важнее).

В-третьих, позаимствованное у механической физики представление о технической эффективности продолжает оказывать сильное воздействие на критерии статической эффективности, несмотря на стремление многих выдающихся экономистов (Роббинса, Липси, Алчиана и Аллена и др.) раз и навсегда отделить техническую (технологическую) эффективность от экономической эффективности²¹. Однако если техническая (или технологическая) эффективность означает минимизацию производственных ресурсов в физическом смысле (например, тонн угля или баррелей нефти), то она практически не отличается от экономической эффективности, которая также состоит в минимизации ресурсов, но не в физическом смысле, а в смысле затрат (исчисляемых как количество использованных единиц ресурса, умноженное на рыночную цену единицы). Если исходить из того, что технологии и рыночные цены «даны», иначе говоря, из того, что они известны и неизменны — а из этого исходят все упомянутые нами выше критерии статической эффективности, — то *modus operandi** (статической) экономической эффективности и *modus operandi* технической эффективности будут одинаковы: и та и другая в этом случае представляют собой математическую операцию в условиях известных ограничений. Можно сделать вывод, что в контексте экономической теории благосостояния между технической эффективностью и статическим представлением об экономической эффективности существует поразительное сходство. Иначе говоря: *статический подход к экономической теории сводит принцип экономической эффективности к сугубо технической проблеме максимизации*, которую всегда можно решить, прибегнув к помощи компьютера и введя в него соответствующие данные; ведь все модели статической эффективности основаны на том, что данные уже известны²².

Однако эти критические замечания гораздо менее важны, чем наша главная претензия к различным критериям эффективности, сформулированным в рамках экономической теории благосостояния. Главное в том, что они учитывают лишь один из двух аспектов экономической эффективности, статический аспект, а из этого вытекает представление о том, что ресурсы даны и неизменны, и фундаментальная экономическая задача сводится к тому, чтобы расходовать их разумно. *И когда, например, нам нужно оценить компанию, общественный институт или экономическую систему, эти критерии не позволяют нам учесть их Динамическую Эффективность, т.е. способность порождать предпринимательское творчество и координацию или, иными словами, способность предпринимателей искать, обнаруживать и преодолевать нарушения координации в обществе.*

Мы считаем, что главная цель — не в том, чтобы приблизить систему к границе ее производственных возможностей (считая кривую производства «данной»), а в систематическом использовании критерия динами-

ческой эффективности, от которого зависит способность системы непрерывно «сдвигать» кривую производственных возможностей вправо. Для этого необходимо преодолеть традиционные статические критерии экономической эффективности и заменить их другим, более полным критерием, таким, который учитывал бы динамическое измерение экономической системы. В следующем разделе наш критерий динамической эффективности рассматривается более подробно.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Динамическая эффективность и предпринимательство

Критерий динамической эффективности теснейшим образом связан с понятием предпринимательства; на самом деле, чтобы как следует понять, что такое динамическая эффективность с точки зрения экономической теории, надо сначала хотя бы кратко описать сущность и основные черты предпринимательства — главной действующей силы, порождающей стихийное творчество и координацию на рынке. Слово «предпринимательство» (*entrepreneurship*) происходит от латинского *inprehendo* — «совершать открытие», «видеть», «осознавать» нечто. Мы можем определить предпринимательство как *характерную для человека способность находить вокруг себя возможности для извлечения прибыли и действовать в соответствии с этим*. Таким образом, предпринимательство требует специальной «бдительности» (*alertness*). Словарь Вебстера («Webster's New World Dictionary and Thesaurus») толкует слово *alert* как «зоркий», «бдительный»²³. С идеей предпринимательства тесно связан и глагол «спекулировать» (*to speculate*), который тоже восходит к латыни и связан со словом *specula* (так называли башни, с которых наблюдатели могли озирать окрестности и заранее обнаруживать тех, кто к ним приближался)²⁴.

Наиболее существенные черты предпринимательства с точки зрения критерия динамической эффективности таковы:

1. Предпринимательство всегда порождает новую информацию; иначе говоря, любой акт предпринимательства связан с обнаружением новой информации, которой у субъекта предпринимательства до этого не было (иными словами, возможности для извлечения прибыли, которую он раньше не замечал). Информация, которую своими действиями порождают предприниматели, является субъективной, практической (в том смысле, что она возникает исключительно в конкретных обстоятельствах, связанных с конкретными действиями предпринимателя), рассеянной (ведь какая-то ее частица имеется в уме каждого человека) и неявной (ее очень сложно выразить словами).
2. По своей фундаментальной природе предпринимательство носит творческий характер; любое нарушение общественной координации предоставляет возможность для извлечения прибыли, каковая возможность

остаётся скрытой до тех пор, пока ее не обнаруживают предприниматели. Например, если В не очень нужен ресурс R, в котором остро нуждается А, то это явное нарушение общественной координации, которое порождает возможность для извлечения прибыли: чтобы получить «чистую предпринимательскую прибыль», предпринимателю С достаточно всего лишь заметить эту возможность, дешево купить ресурс у В и дорого продать его А. Соответственно, когда предприниматель обнаруживает еще никем не замеченную прибыльную возможность, он тем самым создает не существовавшую до этого информацию, которая в результате завершения акта предпринимательства порождает чистую предпринимательскую прибыль.

3. Предприниматель передает информацию. Когда предприниматель С дешево покупает ресурс R у В, который владеет им в изобилии и не использует его, а потом дорого продает остро нуждающемуся в нем С, он *передает* А и В информацию о том, что ресурс R доступен и что его нужно беречь. Он также сообщает всему рынку (эта информация распространяется волнообразно), что есть некто, кто готов дать за R высокую рыночную цену (рыночные цены — это очень мощные сигналы, они передают большой объем информации при очень низких издержках).
4. Предпринимательство оказывает координирующее воздействие. В результате описанного нами акта предпринимательства А и В обучаются координировать свое поведение, приспособившись к нуждам друг друга: после того как нарушение общественной координации было обнаружено и устранено, В начинает накапливать ресурс R, который он раньше не использовал, чтобы передать его остро нуждающемуся в нем А.
5. Предпринимательство состязательно, конкурентно. Слово «конкуренция» (*competition*) происходит от латинского *cum petitio*; это выражение обозначает состязание претензий на одну и ту же вещь, которая в итоге должна достаться кому-то одному. Предпринимательство конкурентно: это значит, что после того, как один предприниматель обнаружил или создал возможность для извлечения прибыли, эту возможность (в тех же временных и пространственных координатах) уже не может обнаружить или создать никто другой. Это превращает предпринимательский процесс в процесс соперничества, в процесс чистой конкуренции, в ходе которого предприниматели борются с друг другом, чтобы обнаружить и использовать существующие вокруг них возможности для извлечения прибыли. Словарь Вебстера («Webster's Revised Unabridged Dictionary») дает следующее толкование глаголу *to compete* («конкурировать»): «соревноваться; стремиться или пытаться достичь вещи, должности или награды, к которой стремится еще кто-то; соперничать, например из-за награды или из-за контракта, подобно тому как конкурируют друг с другом купцы»²⁵. Такое представление о конкуренции, безусловно, не имеет ничего общего с так называемой моделью совершенной конкуренции, в рамках которой многочисленные поставщики проделывают одни и те же движения, продавая одно и то же благо по одной и той же цене, иначе говоря, ведут себя так, что никто не назвал бы это конкуренцией.

6. Наконец, предпринимательский процесс никогда не заканчивается. Хотя в принципе можно было бы вообразить, что социальный процесс, порожаемый предпринимательством, мог бы достичь состояния равновесия, т.е. остановиться или закончиться, после того как все предприниматели обнаружат и используют все возможности для извлечения прибыли, воплощенные в нарушениях общественной координации (кстати, большинство членов нашего цеха считают такое «конечное состояние покоя» единственным предметом, достойным их профессионального внимания), на самом деле предпринимательский процесс координации никогда не прерывается и никогда не заканчивается. Истина состоит в том, что когда предпринимательский акт вносит координацию, он создает новую информацию, которая, в свою очередь, *меняет то, как субъекты, действующие на рынке, воспринимают свои цели и средства. В силу этого появляются новые нарушения координации и предприниматели начинают находить их исправлять, создавая координацию в ходе непрерывного процесса расширения знания и ресурсов. Этот процесс обеспечивается постоянным ростом населения, а степень его координации стремится к максимально возможной при данных исторических обстоятельствах* (скоординированный социальный «большой взрыв»).

После того как мы описали фундаментальные черты предпринимательского процесса, нам будет легче понять экономическую концепцию динамической эффективности, а также существовавшие в разное время взгляды на него.

Экономическая концепция динамической эффективности: творчество и координация

С точки зрения динамического подхода эффективность человека, компании, института или экономической системы в целом зависит от уровня их творческой способности к предпринимательству и координации (в описанном выше смысле).

С этой точки зрения самое главное — не столько препятствовать напрасной трате средств, которые считаются известными и «данными» (с точки зрения статической эффективности), сколько постоянно обнаруживать и создавать новые цели и средства, тем самым стимулируя координацию. При этом необходимо учитывать, что в ходе любого предпринимательского процесса всегда возникают новые нарушения координации, и *в силу этого в рыночной экономике какие-то ресурсы неизбежно тратятся впустую*.

Можно уверенно утверждать, что динамический аспект эффективности — это ее главный аспект. Хотя экономическая система может и не достигать границы производственных возможностей, все действующие в ней субъекты могут действовать с выгодой для себя, в случае если энергия предпринимательского творчества постоянно сдвигает кривую (производственных возможностей) вправо и соответственно улучшает возможно-

сти каждого человека, обеспечивая непрерывный творческий поток новых целей и средств, которые, до того как их открыли предприниматели, никто и вообразить себе не мог.

Очень существенно также и то, что динамический аспект экономической эффективности включает в себя статический: ведь *предпринимательская сила, порождающая динамическую эффективность посредством создания и обнаружения новых возможностей для извлечения прибыли, это та же самая сила, которая обеспечивает достижение наиболее высокого из возможных в данный конкретный момент уровня статической эффективности, обеспечивая исправление существовавших ранее нарушений координации.* (Однако, как мы уже отмечали, с учетом бесконечного потока новых нарушений координации в реально существующей рыночной экономике оптимум по Парето в принципе недостижим, поэтому вероятность напрасной растраты имеющихся ресурсов полностью исключить нельзя.)

Ниже будут проанализированы взгляды разных ученых на проблему динамической эффективности. Многие из них испытали серьезное воздействие традиции австрийской экономической школы, что неудивительно, потому что эта школа уделяет огромное внимание динамической концепции рынка и ведущей роли предпринимательства на рынке. Мы отсылаем читателей, желающих узнать об этом больше, к работам Мизеса и Хайека о рынке как динамическом процессе, движимом предпринимательством (Мизес), и о конкуренции как процессе открытия (Хайек)²⁶.

Израэл Кирцнер и идея динамической эффективности

Великий современный ученый Израэл Кирцнер, следуя за Мизесом и Хайеком, подробно проанализировал феномен предпринимательства. Это один из ведущих теоретиков, изучавших экономическое понятие динамической эффективности. Кирцнер определяет динамическую эффективность как «способность, стимулируя предпринимательскую бдительность, порождать ценное знание, о самом существовании которого ранее никто не догадывался». Кирцнер считает акт предпринимательства чрезвычайно эффективным инструментом координации и рассматривает общественную координацию не статически — т.е. не с точки зрения Парето, — а динамически, иначе говоря, как «процесс, в ходе которого участники рынка осознают существование взаимовыгодных возможностей для торговли и, используя эти возможности, исправляют допущенные ранее ошибки»²⁷.

Кирцнер подчеркивал, что его критерий динамической эффективности, основанный на творческой способности и предпринимательской координации, не связан с ценностными суждениями и соответственно полностью ценностно нейтрален (*wertfrei*): любой, кто желает стимулировать координацию, должен поощрять и поддерживать свободу предпринимательства, и напротив, тот, кто предпочитает общественные конфликты и нарушения общественной координации, должен всячески препятствовать предприни-

мательству²⁸. Экономическая теория сама по себе не может назвать одни цели — плохими, а другие — хорошими, но она, безусловно, способна помочь людям лучше осознать стоящий перед ними этический выбор и сформулировать логически последовательную этическую позицию.

Идея динамической эффективности Кирцнера неуязвима для тех критических замечаний, которые мы сформулировали выше по отношению к доминирующим до сих пор критериям статической эффективности. Наконец, Кирцнер указывает, что с точки зрения аналитика динамический аспект эффективности особенно полезен для проведения сравнительного анализа институтов и законодательных инициатив. Действительно, анализ динамической эффективности позволяет вынести оценку, дающую возможность сформулировать гораздо более ясную — и часто принципиально иную — позицию, чем та, которая является результатом анализа одного лишь аспекта статической эффективности²⁹.

Мюррей Ротбард и миф статической эффективности; обзор Роя Кордато

Ротбард также внес существенный вклад в анализ динамической эффективности. Он подчеркивал, что идеал «статической эффективности», имеющий такое огромное значение для теоретиков благосостояния, это всего лишь *миф*, так как его использование на практике требует наличия неизменной структуры целей и средств, формирование которой в условиях непрерывно меняющихся реалий общественной жизни невозможно (а если бы и было возможно, то ее нельзя было бы познать). Больше всего внимания Ротбард уделил связи динамической концепции экономической эффективности со сферой этики. С учетом того, что реально существующие в обществе цели, средства и функции полезности нам неизвестны, Ротбард считал первоочередной задачей создание этического контекста, поощряющего динамическую эффективность. Для этого требуется набор правил, защищающих права собственности и обеспечивающих возможность добровольной торговли, в ходе которой экономические субъекты выражают свои истинные предпочтения. Ротбард полагал, что критериями эффективности, определяющими наши решения, могут быть только *этические принципы*, и ничто иное³⁰.

Рой Кордато опубликовал интересную книгу, где проанализировал главные открытия австрийской школы, и в частности Мизеса, Ротбарда, Хайека и Кирцнера, с точки зрения экономической теории благосостояния. Кордато приходит к выводу, что главной целью рынка должно быть не достижение «оптимальных» результатов (задача статической эффективности), а обеспечение институциональной структуры, порождающей предпринимательское творчество и координацию. Экономическая политика должна быть направлена на выявление и уничтожение искусственных препятствий для добровольной торговли и предпринимательского процесса³¹. Особое восхищение вызывает попытка Кордато впустить в затхлое обиталище экономической теории благосостояния, застывшей в своей упрямой при-

верженности статическим допущениям, свежий воздух субъективистского и динамического подхода к рынку, который до него развивали почти исключительно экономисты австрийской школы.

Йозеф Шумпетер и «процесс созидательного разрушения»

Йозеф Шумпетер — возможно, самый известный из экономистов, занимавшихся анализом экономической эффективности с динамических позиций. Он начал разрабатывать эту тему уже в 1911 г., когда опубликовал на немецком языке книгу «Теория экономического развития»³². В этой книге Шумпетер, демонстрируя в чистом виде австрийский подход, пишет о предпринимателе как о новаторе, который придумывает и открывает новые блага, новые источники благ и новые сочетания благ, а также внедряет технологические инновации, постоянно создавая новые рынки и расширяя существующие. Спустя тридцать лет, в 1942 г., Шумпетер продолжил развивать эти идеи в книге «Капитализм, социализм и демократия», особенно в главах 7 и 8. Он даже назвал главу 8 «Процесс созидательного разрушения»; в ней он описывает процесс экономического развития, породивший эволюцию капитализма и соответственно напряжение, связанное с двумя измерениями эффективности — динамическим и статическим. Шумпетер крайне критически относился к традиционному неоклассическому принципу статической эффективности и пришел к выводу о том, что «совершенная конкуренция не только невозможна, но и нежелательна; нет никаких оснований рассматривать ее как модель идеальной эффективности»³³.

С нашей точки зрения, главный недостаток позиции Шумпетера состоит в том, что для него главным инструментом экономического анализа остается модель равновесия. Он писал, что в отсутствие предпринимателей экономическая жизнь представляла бы собой рутинный кругооборот. Он считает предпринимателя исключительно фактором внесения искажений или дисбаланса. Иными словами, он обращает внимание лишь на один аспект предпринимательского процесса, который называет выражением «процесс созидательного разрушения», ставшим в наши дни расхожим штампом, Шумпетер игнорирует то, о чем мы говорили выше: предметом экономического анализа должен быть динамический процесс предпринимательства, а не модель равновесия. Ведь в реальности движимый силой предпринимательства рыночный процесс обладает не только способностью к «созидательному разрушению» (а это единственное, на что обратил внимание Шумпетер), но и способностью обеспечивать координацию и тем самым приближать социальный процесс к состоянию равновесия, несмотря на то что это состояние никогда не достигается, так как по мере его приближения постоянно возникают новые нарушения координации. С точки зрения Шумпетера, предпринимательский процесс — это некая взрывная сила, посредством созидательной энергии предпринимательства разрушающая предшествующий порядок. При этом он не понимает, что *та же самая сила*,

которая провоцирует созидательное разрушение, обеспечивает координацию системы и, следовательно, дает возможность «большому взрыву» пройти настолько гладко, насколько позволяют сложившиеся исторические обстоятельства. В отличие от Шумпетера, рассматривающего предпринимателя как фактор дисбаланса, с точки зрения нашего динамического подхода предпринимательство — это одновременно созидательная и координирующая движущая сила, которая постоянно влечет вперед рынок и человечество.

Харви Лейбенстайн и идея x -эффективности

Харви Лейбенстайн впервые выдвинул идею x -эффективности в статье «Эффективность размещения ресурсов и x -эффективность» («Allocative Efficiency vs. X-Efficiency»), опубликованной в 1966 г.³⁴ В ней он писал, что x -неэффективность — это некая степень неэффективности, возникающая на рынке в силу неполноты многих контрактов, управляющих взаимоотношениями предпринимателей, и прежде всего — из-за того, что в них недостаточно четко определены задачи каждой из сторон. Лейбенстайн называет причинами неэффективности психологическое давление, испытываемое экономическими агентами, бремя привычки, инерцию и рутинное поведение, из-за чего многие задачи выполняются гораздо менее эффективно, чем это в принципе возможно.

Прежде всего нужно отметить, что понятие x -эффективности по Лейбенстайну довольно туманно, по крайней мере если брать его первоначальную формулировку. На наш взгляд, Лейбенстайн обнаружил важную вещь (он открыл, что существует неэффективность такого рода, которую модели равновесия неспособны учесть), но не смог ее как следует сформулировать. Спустя 10 лет в статье под ироническим названием «О существовании x -эффективности» («The Existence of X-Efficiency»)³⁵ Стиглер (1976), возражая Лейбенстайну, писал, что существующий на реальном рынке уровень инерции и неведения всегда оптимален, потому что стремление победить эти явления прекращается, как только предельные издержки этого занятия перевешивают ожидаемую предельную прибыль. Позже Кирцнер поддержал Лейбенстайна, указав на по крайней мере один постоянно существующий источник x -неэффективности, а именно на подлинные предпринимательские ошибки, которые возникают, когда предприниматель не видит существующих на рынке возможностей извлечения прибыли. Эти возможности продолжают оставаться скрытыми до тех пор, пока их не обнаружат другие предприниматели³⁶.

Суть аргумента Кирцнера состоит в том, что если признать, что в модели равновесия и совершенной информации x -эффективность не может существовать по определению (на что указывал Стиглер, хотя это явно не имело отношения к делу), то, чтобы использовать концепт x -эффективности для целей анализа и в практических целях, следует понимать x -эффективность как динамическую эффективность в описанном нами смысле. С этой идеей

в конце концов согласился и сам Лейбенштайн. По иронии судьбы, «отец» *x*-эффективности был вынужден признать, что сформулированное им туманное понятие может иметь (важное) научное и практическое значение лишь при условии, если его неоднозначность будет преодолена и оно будет восприниматься как синоним термина «динамическая эффективность» (в нашем смысле)³⁷.

Дуглас Норт и его идея «адаптивной эффективности»

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт подверг критике господствовавшее среди неоклассиков чисто аллокативное, паретианское представление об эффективности. Он предложил заменить его концептом *адаптивной эффективности*, понимаемой как «готовность общества приобретать знания и умения, поощрять новое, идти на риск и заниматься творческой деятельностью (в широком смысле), а также решать возникающие в обществе проблемы и расширять узкие места»³⁸.

Норт включил в свое определение характеристики, которые соответствуют нашему описанию динамической эффективности: приобретение знаний, творчество, инновации и т.п. Кроме того, для него характерно особое внимание к *институциональному контексту*, стимулирующему творческую энергию и адаптивные способности различных обществ; так, в качестве примеров гибкости и адаптивности он приводит Европу и США.

С нашей точки зрения, главный недостаток Норта состоит в следующем: он забывает упомянуть о том, что главным двигателем всех рыночных процессов является предпринимательство. Иначе говоря, Норта интересует исключительно способность общества в целом *адаптироваться* к внешним переменам и ударам; существенно то, что Норт рассматривает перемены как нечто принципиально внешнее по отношению к обществу: именно поэтому он говорит об «адаптивной эффективности». Таким образом, его подход не активен, а реактивен. Он как будто не осознает, что именно энергия предпринимательства, присущая динамической эффективности и ее координирующей способности, и провоцирует те (эндогенные, а не внешние) перемены и удары, порождающие проблемы, к которым вынуждено адаптироваться общество.

Подход Норта прямо противоположен подходу Шумпетера. Шумпетера интересует исключительно созидательная энергия предпринимательства и ее разрушительный потенциал (процесс «созидательного разрушения»); Норт исследует другой аспект предпринимательства: его адаптивную (координирующую) энергию. *При этом он совершенно забывает о созидательной природе предпринимательства. Таким образом, наша концепция порождаемой предпринимательством динамической эффективности позволяет объединить созидательное и координирующее измерения этого процесса, которые Шумпетер и Норт исследовали по отдельности, впадая до некоторой степени в редуccionизм и пренебрегая существенными элементами изучаемого явления.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru